Критика и Библіографія.

„Годы тюрьмы и пораженій".

Книга первая. Из-во З. И. Гржебина. 1923.

В. Войтинскій былъ въ 1905 г. однимъ изъ популярнѣйшихъ и усерднѣйшихъ митинговыхъ ораторовъ. Онъ выступалъ по собственнымъ словамъ, чуть ли не по десяти разъ въ день, и говорилъ безъ конца, говорилъ до хрипоты, до потери голоса. Ему въ то время еще не было двадцати лѣтъ. Самъ онъ въ политическихъ вопросахъ разбирался мало. Но событія, послѣдовавшія за 9-мъ января захватили и его своимъ бурнымъ потокомъ. Въ большевистскіе ораторы онъ попалъ весьма упрощеннымъ и ускореннымъ способомъ. Онъ выразилъ желаніе вступить въ соціалистическую партію. Случай свелъ его съ такимъ же юнымъ сторонникомъ большевистскаго теченія. И этого было достаточно, чтобы Войтинскій оказался въ самый короткій срокъ однимъ изъ руководителей большевистской «ораторской коллегіи», коллегіи, ядро которой вмѣстѣ съ нимъ составляли агентъ охраннаго отдѣленія Коноваловъ и знаменитый нынѣ Крыленко. Но даже и сдѣлавшись большевистскимъ митинговымъ ораторомъ и пропагандистомъ, Войтинскій плохо разбирался въ разногласіяхъ большевиковъ и меньшевиковъ.

Въ своихъ рѣчахъ онъ, по собственному признанію, избѣгалъ касаться этихъ разногласій, остававшихся для него китайской грамотой. Не придерживался онъ и директивъ большевистскаго центральнаго комитета. Иногда говорилъ прямо въ разрѣзъ съ ними. Это было, впрочемъ, и неизбѣжно, такъ какъ директивы обыкновенно оказывались неосуществимыми. Главной заботой оратора было въ то время не столько руководить слушателями, сколько схватить ихъ собственное настроеніе, превратить собравшихся въ одинъ пучокъ чувствъ и нервовъ.

Все остальное шло само собой, стихійно и неисповѣдимо. Революціонные комитеты предлагали одно, а выходило совсѣмъ другое. Большевистскій центральный комитетъ съ самаго начала, еще въ іюлѣ, требовалъ вооруженнаго возстанія, но оно такъ и осталось пустымъ словомъ. Попытка возстанія и при томъ неудачная; была сдѣлана лишь въ Москвѣ, да и то гораздо позже. Вмѣсто возстанія началась по случайному и вдобавокъ вымышленному поводу всеобщая забастовка. Надеждъ на успѣхъ она не внушала. Казалось наоборотъ, что она ведетъ къ разгрому революціи. Комитеты, считавшіе себя руководителями ея, уже признавали, что она потерпѣла неудачу, но какъ разъ въ этотъ моментъ она возымѣла совершенно неожиданный результатъ въ видѣ октябрьскаго манифеста. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, противъ котораго яростно возражали большевики, какъ противъ нелѣпой соглашательской затѣи, оказался единственнымъ революціоннымъ органомъ, получившимъ нѣкоторое признаніе, единственнымъ, хотя все же безсильнымъ, — воплощеніемъ революціонной власти.

Вообще вся дѣятельность революціонныхъ организацій 1905 года, какъ ее изображаетъ В. Войтинскій, была подлинной трагедіей ошибокъ. Они ошибались въ оцѣнкѣ положенія, въ своихъ силахъ, въ своихъ задачахъ, — шли совершенно въ слѣпую.

Иногда исполнители постановленій, принятыхъ на митингахъ, оказывались въ крайне трудномъ и даже глупомъ положеніи. Такъ однажды Войтинскому было поручено явиться вмѣстѣ съ другими делегатами къ профессорамъ Петербургскаго университета и потребовать отъ нихъ избранія на кафедры ряда лицъ, которыя были названы на митингѣ и удаленія нѣсколькихъ профессоровъ. Проф. Покровскій, съ которымъ бесѣдовали юные делегаты, сумѣлъ разъяснить имъ всю нелѣпость подобныхъ требованій съ такой убѣдительностью, что самому Войтинскому стало стыдно. Въ числѣ профессоровъ, увольненія которыхъ они требовали, былъ, между прочимъ, Георгіевскій. Какъ поясняетъ Войтинскій, требованіе объ его удаленіи было предъявлено исключительно потому, что В. В. Святловскій, нынѣ благополучно здравствующій большевистскій профессоръ, а тогда юный приватъ-доцентъ, увѣрялъ студентовъ, будто Георгіевскій подалъ на своихъ товарищей тринадцать (!) доносовъ въ департаментъ полиціи. Несуразность подобнаго обвиненія стала ясна для Войтинскаго, повидимому, только послѣ бесѣды съ проф. Покровскимъ. Онъ потребовалъ отъ Святловскаго доказательствъ, но вмѣсто нихъ услышалъ отъ предпріимчиваго приватъ-доцента лишь настоятельнѣйшую просьбу не выдавать его, какъ автора обвиненій противъ Георгіевскаго.

Безнадежность борьбы все яснѣе обрисовывалась и передъ сами «глашатаями революціи». Въ ноябрѣ 1905 года они уже представляли себя вмѣстѣ съ сочувствующими имъ рабочими лишь небольшой горсточкой на лонѣ необъятной Россіи. Крестьянство для нихъ было загадкой. Но вотъ начались крестьянскія возстанія. Это возбудило среди революціонеровъ новыя надежды. Въ деревню устремились пропагандисты, главнымъ образомъ, эсъ-эровскіе. Двинулись также и эсъ-деки, въ числѣ ихъ и В. Войтинскій. Онъ направился въ глухую часть Новгородской губерніи.

Разумѣется Войтинскій пытался распропагандировать крестьянъ въ революціонномъ духѣ. Въ качествѣ посредниковъ онъ набралъ соотвѣтственно настроенныхъ сельскихъ учителей. Въ одной изъ деревень ему удалось найти откликъ: главнымъ образомъ дѣйствовали напоминанія объ ужасахъ войны. Когда Войтинскій предложилъ собранію крестьянъ принять составленную имъ резолюцію, они присягнули на вѣрность ей. Присяга была принесена въ самой торжественной формѣ, на колѣняхъ, подъ вой и причитанія бабъ. Но разнесшійся слухъ объ этомъ поднялъ на ноги крестьянъ окрестныхъ деревень. Попытка распропагандировать и другія деревни не увѣнчались успѣхомъ. Разъяренные пропагандой противъ царя, крестьяне окружили Войтинскаго и его спутниковъ по дорогѣ къ вокзалу и набросились на нихъ. На вокзалѣ началось жестокое избіеніе пропагандистовъ. Крестьяне хотѣли уже прикончить ихъ, но въ это время къ мужикамъ обратился со словами увѣщанія проѣзжавшій священникъ. Слова священника возымѣли дѣйствіе, но не надолго; послѣ нѣкотораго перерыва крестьяне опять принялись за истязаніе пропагандистовъ. На ихъ счастье появился становой. Онъ тоже принялся усовѣщевать крестьянъ. Это тоже лишь временно задержало окончательную расправу. Спасъ юныхъ революціонеровъ отъ вѣрной смерти лишь подоспѣвшій подъ командой молодого офицера взводъ солдатъ.

Разсказывая о своемъ освобожденіи отъ мужиковъ Вл. Войтинскій ощущаетъ повидимому нѣкоторую неловкость. «Я чувствую, — замѣчаетъ онъ, — что описываемое заступничество священника и становаго за пойманныхъ мужиками агитаторовъ можетъ показаться тенденціозной выдумкой дурного вкуса..., но... я не считаю себя въ правѣ прикрашивать то, что было»...

Само собой разумѣется, что въ тенденціозной выдумкѣ г. Войтинскаго въ данномъ случаѣ никто не обвинитъ. Именно то, что онъ не побоялся разсказать о своихъ деревенскихъ злоключеніяхъ и придаетъ его блестяще написанной книгѣ особую цѣнность.

Главное достоинство книги В. Войтинскаго состоитъ въ томъ, что она даетъ очень яркое впечатлѣніе о 1905 годѣ. Кругъ наблюденій автора былъ, правда очень ограниченъ, но то, что онъ видѣлъ и наблюдалъ, глубоко запечатлѣлось въ его памяти. И когда читаешь его «Воспоминанія», то кажется, какъ будто описываемыя авторомъ событія произошли не восемнадцать лѣтъ тому назадъ, а чуть ли не вчера.

П. Ш.

Väter und Söhne.

Roman von I. Turgeniew. Im Propyläe Verlag.

Въ серіи Werke des Weltliteratur званное издательство выпустило знаме тый романъ И. С. Тургенева. Еще при ни автора, этотъ романъ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ. Настоящій пере сдѣланъ извѣстной переводчицей Ф Фришъ и сдѣланъ по обыкновенію укоризненно. Въ концѣ книги прилож послѣсловіе, написанное Тургеневымъ поводу нападокъ, вызванныхъ появлен «Отцовъ и Дѣтей». Издана книга съ из ной простотой.

„Музыка".

№ 1, Берлинъ, 1923 г.

Въ Берлинѣ вышелъ № 1 журнала « зыка»; заданіе редакціи — «служить д объединенія русскихъ музыкальн силъ, давая подробныя свѣдѣнія объ творческой дѣятельности и концерт работѣ; широкая информація о музы тахъ, живущихъ въ Россіи, и о явлені музыкальной жизни на родинѣ, и, н нецъ, еще наша задача — снова попыт ся связать прерванныя войной нити, зующія музыкальное творчество запад востока». Сообразно съ этимъ и распла рованъ матеріалъ отчетнаго номера. содержаніи — начало большой ста проф. Адольфа Вейсмана, дающей ха теристику, образную и живую, написан съ обычнымъ мастерствомъ, ряда нов нѣмецкихъ композиторовъ, — среди н Малера, Штрауса, Регера. Съ больш интересомъ читается не столько «стат — корреспонденція о музыкальной жи Москвы Леонида Сабанѣева, носящая сколько субъективный характеръ. Пр и ярко описаніе Макса Маршалка м кальной жизни современной Германіи, которой онъ касается весьма подро дирижеровъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, пі стовъ и скрипачей. Обзоръ русской му кальной жизни въ Берлинѣ охватыва періодъ съ осени 1922 г. и сдѣланъ большимъ вниманіемъ Н. Набоков Кромѣ того въ журналѣ небольшія за ки, дающія представленіе о русской рѣ въ Германіи и Испаніи и отдѣлы ники Россіи и за рубежомъ; между чимъ, къ этимъ отдѣламъ слѣдовало отнестись съ большимъ вниманіемъ. О пріятенъ весь внѣшній видъ изданія, полненный съ большой тщательностью строгостью; изящно выдержана въ ст плаката въ мѣру рѣзкая обложка раб Гр. Гликмана. Среди текста — рядъ третовъ русскихъ и нѣмецкихъ музыка ныхъ дѣятелей.

Литературныя замѣтки.

Распахнулось второе «Окно» — появился второй, разнообразно содержательный, выпускъ этого трехмѣсячника. Самое значительное и трагически-прекрасное въ немъ — страницы Ив. Шмелева «Солнце мертвыхъ». Онѣ изображаютъ Крымъ, погибающій отъ тлетворнаго прикосновенія большевицкой заразы — въ тотъ моментъ, когда новая власть уже одержала свою побѣду надъ противниками и надъ Россіей, когда одинъ изъ ея представителей, одинъ изъ диктаторовъ, торжествующій пролетарій, матросъ, получилъ возможность провозгласить на митингѣ: «Теперь, товарищи и трудящіе, всѣхъ буржуевъ прикончили мы... которые убѣгли — въ морѣ потопили! И теперь наша совѣтская власть, которая коммунизмъ называется! Такъ что дожили! И у всѣхъ будутъ даже автомобили, и всѣ будутъ жить... въ ванныхъ! Такъ что не жись, а едрена мать. Такъ что... всѣ будемъ сидѣть на пятомъ этажу и розы нюхать». Матросъ не сдержалъ своихъ обѣщаній. Голодная баба, одурѣвшая отъ невзгоды, сѣтуетъ: «а сказывали — все будетъ!» Но большевики обманули бабу, исторія обманула ее. Другой женщинѣ, нянѣ, тоже сулили: «озолотимъ на всю поколѣнію», а теперь она безпомощно слышитъ, какъ надрывается, тянетъ голосокъ ея ребенка: «хлѣ-а-ба-ааа... са-мый-са-аааа съ пуговичку-уууу... са-а-мый-са-аааа...». Нѣтъ хлѣба, нѣтъ ничего, и голодной смертью умираютъ люди, а другихъ людей десятками тысячъ убиваютъ въ подвалахъ Крыма, и «земля напиталась кровью, и вино выйдетъ терпкимъ и не дастъ радостнаго забвенья». Вездѣ ужасно было продвиженіе новаго Тамерлана по Руси; но въ цвѣтущей Тавридѣ оно имѣло особенно страшный характеръ, именно потому, что Таврида была недавно цвѣтущей. Всѣ роскошные дары южнаго солнца растоптала чья-то жестокая нога, и контрастъ между прошлымъ и настоящимъ оказался такимъ, что умъ отказывался понять и принять его, и умъ переходилъ въ безуміе, изнемогало сознаніе, и вотъ оно постепенно гаснетъ и въ героѣ шмелевской эпопеи, и у его сосѣдей, у всѣхъ этихъ интеллигентовъ, обитателей сгинувшаго «профессорскаго уголка». Чѣмъ сознаніе выше и тоньше, тѣмъ рѣзче противопоставляетъ оно себя той безмѣрной бѣдѣ, какая обрушилась на мирныя горы и долины, на всю красоту Крыма. Эта бѣда воспринимается уже не въ тонахъ исторіи, а какъ нѣчто космическое, стихійное, и тутъ уже дѣло не въ большевикахъ, и уже не существенно, насколько они реально виноваты въ огромномъ горѣ страны, въ засухѣ и неурожаѣ, въ изсякновеніи питающихъ силъ и соковъ природы: большевики—только олицетвореніе того кошмара, который душитъ живыя существа, большевики — только носители и попустители несчастья, пособники болѣе общаго зла, и ихъ злая и глупая воля только присоединилась къ безпощаднымъ ударамъ самого естества. Какъ вообще проблемой является то, что больше большевизмъ — причина или слѣдствіе, породитель народныхъ бѣдствій или порожденіе, отецъ какого-то основного злополучія или его проклятое въ вѣкахъ чадо, такъ и въ произведеніи Шмелева, благодаря мощному таланту автора, прямое обвиненіе и моментъ публицистическій, если и не совсѣмъ поглощены въ глубинахъ художественности, то во всякомъ случаѣ отступаютъ на далекій планъ передъ постиженіями совсѣмъ другого порядка. Именно, уже не однѣ человѣческія только взаимоотношенія явлены здѣсь, а показана стихія, ея хаосъ, ея безумствующая фантастика, бредъ и сказка; здѣсь уже кончаются всѣ нормы и предѣлы, всѣ мѣры и законы, и «желѣзная метла», которой такъ часто хвалилась большевицкая революція и которой она въ самомъ дѣлѣ до пустоты вымела жизни, души, дома, закрома, сказывается естественной принадлежностью Бабы-Яги. Ее, Бабу-Ягу, недаромъ поминаетъ нашъ даровитый писатель; «отъ нея всѣ качества», это она распорядилась нами, это она все устроила, такъ что на наши событія и слѣдуетъ смотрѣть не какъ на реальность, не какъ на историческіе факты, а какъ на реализацію ирреальности, какъ воцареніе Бабы-Яги. И потому «теперь ничего не страшно; теперь все — сказка». Не страшно оттого, что разсказана и осуществлена какъ разъ самая страшная изъ человѣческихъ сказокъ, такая страшная, что уже оледенѣла самая способность путаться и мы вышли за грани своего существа, своего разума и чувства. Диктатура Бабы-Яги уничтожила всякую логику и всякую психологію; она выводитъ изъ рамокъ міра какъ вещественнаго, такъ и духовнаго. Философы сказали бы, что это — мэонъ (не сущее). Кончается бытіе, начинается небытіе.

То потрясающее впечатлѣніе, какое остается отъ непередаваемаго въ цитатахъ, никакимъ пересказомъ не воспроизводимаго «Солнца мертвыхъ», въ значительной мѣрѣ обязано тому, что авторъ, по своему высокому обыкновенію, какъ-то не отдѣляетъ людей отъ остальныхъ живыхъ тварей, объединяетъ ихъ въ единствѣ голода и гибели, трогательно связываетъ насъ съ ними въ одну страждущую семью. И вотъ, передъ нами — гибнущіе отъ большевизма животныя и птицы: лошади, корова, собака, кошки, павлинъ, индѣйка, курочки. И не знаешь порою, кого больше жаль: себя или ихъ. Нѣтъ уже татарина «съ беременными корзинами на бедрахъ — груши, персики, виноградъ! «Заброшены, забыты сады. Опустошены виноградники. Обезлюжены дачи. Бѣжали и перебиты хозяева, въ землю вбиты!» И на этомъ фонѣ пустынности — недоумѣвающія и умирающія животныя. Очень похудѣла корова «Тамарка». Отказываютъ ей люди въ кормѣ. «Ступай же... нѣту!». «Она не вѣритъ. Она же знаетъ великую силу человѣка! Не мож она понять, почему не кормитъ ее хозя И я не могу понять, Тамарка... Понять могу, кому и зачѣмъ понадобилось все ратить въ пустыню, залить кровью! А мнишь, еще недавно каждый могъ дать кусокъ душистаго хлѣба съ со каждый хотѣлъ потрепать твои теплыя бы, каждый радовался на твое ведер вымя. Кто же это выпилъ и твои соки? ея стеклянныхъ глазахъ я вижу сл Нѣмыя, коровьи слезы». Смотритъ ко въ море—синее и пустое. Вода и ка «Смотрю и я... Сколько хочешь смотр такъ и этакъ». «Огромное окно—море» нее небо пусто»... Окно въ безнадежн синева равнодушной пустоты!..

Чувство стихійности и многія д чувства идутъ отъ произведенія Шме Уже самымъ тономъ своимъ оно прит ваетъ къ себѣ сердце читателя. Въ не чайно сильныхъ, порою изумитель словахъ дано тамъ отображеніе на ужаса. А кто знаетъ личную драму п теля, тѣ съ особенной болью душевной примутъ его строки: «Грецкій орѣхъ, савецъ. Онъ входитъ въ силу. Впервые чавшій, онъ подарилъ намъ въ прош году три орѣшка — поровну всѣмъ... сибо за ласку, милый. Насъ тепе только двое... а ты сегодня ще принесъ семнадцать. Я сяду подъ т тѣнью, стану думать»...

Лирическая проникновенность и че бытовыя, нѣкоторыя прозрѣнія мист скія, волнующіе образы дѣтей и слыхъ, общій фонъ несчастности и ум нія — все это въ «Солнцѣ мертвыхъ» вается въ одно жуткое цѣлое, къ котор даже и не хочется и совѣстно прила эстетическое мѣрило. Но если бы его ложить, разсказъ Ив. Шмелева об жилъ бы въ себѣ такое созданіе рус литературы, которое останется въ н среди тѣхъ человѣческихъ докумен запечатлѣнныхъ кровью и слезами.

Илья Эренбургъ.
Трестъ Д. Е.

Исторія гибели Европы.

Изд. Геликонъ, Берлинъ, 1923.

Одна предпріимчивая составительница ...-сценарія обратилась къ Освальду ...нглеру за разрѣшеніемъ передѣлать ... знаменитый трудъ «Untergang des ...dlandes» въ фильму. Конечно въ ...храброй дамы ни на одну минуту не ...ила мысль о возможности дѣйстви...ной переработки для кино двухъ...аго сочиненія по философіи исторіи. ...ужно было лишь популярное имя, спо...ое сдѣлать фильмѣ — какого угодно ...жанія — блестящую рекламу. Шпенглеръ отказалъ и міръ лишился сенсаціон... кино-боевика «Исторія гибели Европы ...Освальду Шпенглеру.»

...долго думалъ о томъ какимъ обра... можно все таки передѣлать Шпенг... для «великаго нѣмого» и понялъ это ..., когда прочелъ новое произведеніе ... Эренбурга «Трестъ Д. Е.»

...сли бы завтра былъ объявленъ міро... конкурсъ на составленіе сценарія «по ...нглеру» то несомнѣнно первая премія ...стется Эренбургу. Его новый романъ ... ничто иное какъ Шпенглеръ, перера...нный для пониманія посѣтителей ...матографа всего земного шара отъ ...жа до Тимбукту.

...ъ точки зрѣнія литературно-психоло...ской любопытно въ самомъ дѣлѣ срав..., какъ одна и та же идея, пусть спор... но великая въ своей трагичности и ...ъемлемости — идея гибели европей... культуры — разрабатывается съ ...й стороны мыслителями и философа... привлекшими для этого всю гамму ...й и... комедіантами, бульварными ...-драматургами, репортерами желтой ...сы, авторами злободневныхъ пародій ... кабаре «Лиловая собака» — съ другой. ...у чтоже, въ концѣ концовъ, ко всему ...о подойти съ разныхъ точекъ зрѣнія ... воспринимается разными людьми по ...ому. И въ то время какъ одни — по... Шпенглеру или Григорію Ландау ...меркн Европы») съ тревогой стараются ...нять и охватить трагическій процессъ ...твительной или кажущейся гибели ...й Европы, читаютъ зловѣщія пись... на стѣнахъ и вглядываются въ черно...выя дали — другіе подходятъ къ ... такъ, какъ подошелъ Эренбургъ.

...обственно говоря, врядъ ли даже и ...ожно смотрѣть на романъ Эренбурга ..., какъ на пародію. Вѣроятно Эрен...ъ думалъ, что написалъ злую сатиру ...современность. На самомъ же дѣлѣ ...тъ Д. Е.» — злая пародія на траг... современности. Это своего рода ...софско-политическая Вампука, прих... въ данномъ случаѣ и философія и ...тика взяты въ весьма вампукистомъ ...зѣ.

...ля сатиры въ «Трестѣ Д. Е.» нѣтъ ...а, нѣтъ настоящаго чувства, чувства ненависти и гнѣва, презрѣнія и насмѣшки, чувства искренняго и горячаго, идущаго изъ глубины души, того чувства которое водитъ перомъ истиннаго сатирика.

Но этихъ чувствъ въ «Трестѣ Д. Е.», какъ и въ большинствѣ произведеній г. Эренбурга нѣтъ и въ поминѣ. Вмѣсто нихъ искусственное или прирожденное, какое то никчемное равнодушіе, мелкое и неимпонирующее. Эренбургъ, какъ ангелъ Лаодикейской Церкви ни холоденъ, ни горячъ.

Для того, чтобы стать подлинной сатирой «Тресту Д. Е.» не хватаетъ ни безукоризненной остроты, ни неуязвимости. А кромѣ того сатирикъ долженъ, по крайней мѣрѣ хоть казаться, умнѣе, значительнѣе и глубже тѣхъ, кого онъ изображаетъ. А въ данномъ случаѣ этого сказать нельзя.

Итакъ фильма или пародія? Но можно ли и нужно ли критиковать фильму или пародію? Здѣсь примѣнимъ одинъ критерій: всякое искусство хорошо кромѣ скучнаго. Съ этой точки зрѣнія искусство Эренбурга хорошее искусство. Его «фильма» смотрится съ напряженнымъ интересомъ отъ начала до конца. Она ловко и забавно сдѣлана, включая даже внѣшность книги — подъ учебникъ, съ параграфами, съ картой на обложкѣ, гдѣ изображено какая европейская страна въ какомъ году и отчего погибла.

Есть еще одинъ подходъ къ произведенію г. Эренбурга, уже отмѣченный критикой. Его романъ смѣло можно рекомендовать — съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями — для изученія въ семинарахъ, рабфаковцевъ, свердловцевъ и прочихъ комсомольцевъ. Если бы въ политпросвѣтахъ всей Р. С. Ф. С. Р. нашелся хоти бы одинъ талантливый — и къ тому же владѣющій русскимъ языкомъ человѣкъ, — то онъ вѣроятно для возвѣщенія окончательной гибели капиталистически-имперіалистической Европы написалъ бы нѣчто подобное «Тресту Д. Е.»

Но по свойственной имъ глупости большевики не разобрали въ чемъ было и обидѣвшись на Эренбурга за изображеніе гибели красной арміи отнеслись къ «Тресту Д. Е.» черезчуръ сурово.

А въ общемъ роману Эренбурга можно предсказать большой успѣхъ. Онъ долженъ быть и будетъ прочтенъ каждымъ эмигрантомъ, непосредственно вслѣдъ за аналогичными произведеніями Краснова и Нажнвина, явившимися въ данномъ случаѣ литературными вдохновителями Ильи Эренбурга. Романъ долженъ и будетъ переведенъ на нѣмецкій, французскій, англійскій языки, быть можетъ, даже и на испанскій. Его передѣлаютъ въ настоящую фильму и быть можетъ, въ концѣ концовъ, ГПУ смѣнитъ гнѣвъ на милость и пропуститъ «Трестъ Д. Е.» въ совѣтскую Россію. Тогда его сможетъ цитировать Радекъ.

В. Татариновъ.

„Сполохи".

Журналъ литературы, науки и искусства. № 19- 20.

Журналъ «Сполохи» надо поздравить съ перемѣной редакціи. Прежній редакторъ, г. Александръ Дроздовъ, волею Божіею, скончался, какъ порядочный человѣкъ и честный писатель и, скоропостижно перемѣнивши свои «вѣхи», перебѣжалъ на сторону тушинскихъ воровъ. Нынѣ онъ устраиваетъ счастье «соціалистическаго» отечества и въ совѣтской литературѣ считается флигель-адъютантомъ г. Нахамкеса. — Туда ему, красавцу, и дорога! Но справедливость требуетъ отмѣтить, что эта перемѣна пошла лишь на пользу журнала, такъ какъ въ прежнемъ своемъ составѣ редакція «Сполоховъ» очень походила на «комитетъ взаимныхъ одолженій», гдѣ печатались, главнымъ образомъ, тѣ молодые авторы и юные поэты, которые соглашались считать г. Дроздова великимъ человѣкомъ.

Нынѣшніе редакторы, В. Я. Ирецкій и Б. И. Харитонъ, сразу и круто повернули руль корабля и вывели журналъ на широкую дорогу настоящей литературы.

Очередной номеръ составленъ живо и интересно. Кромѣ очаровательной сказки о «явлонныхъ» штанахъ А. В. Амфитеатрова, въ беллетристическомъ отдѣлѣ, помѣщенъ ещё коротенькій, но яркій, разсказикъ г. Зощенка и разсказъ г-на Стонова «Золотая осень», написанный очень талантливо, но подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Чехова.

Конечно, при другихъ, болѣе нормальныхъ условіяхъ журнальнаго дѣла, беллетристическій отдѣлъ «Сполоховъ» могъ бы быть и богаче, и разнообразнѣе. Но кто знаетъ, съ какими трудностями приходится бороться нынѣшнему редактору вообще, тотъ легко пойметъ, что гг. Харитонъ и Ирецкій сдѣлали все, что въ ихъ силахъ. Гораздо полнѣе представленъ въ журналѣ отдѣлъ научный. Здѣсь больше «чтенія», хотя и неравномѣрно цѣннаго и гораздо больше вкуса. Къ участію въ журналѣ привлечены нѣмецкіе ученые и выборъ научныхъ статей сдѣланъ очень умѣло и интересно. Какъ говорятъ врачи, журналъ получилъ «пульсъ хорошаго наполненія».

Кромѣ статьи г. Геринга о странствующихъ материкахъ и интересной замѣтки о перелетѣ Амундсена черезъ сѣверный полюсъ, вниманію читателей предложенъ еще талантливый очеркъ г. Лукануса «Загадки птичьихъ перелетовъ».

Русскій читатель, знакомый съ удивительными и непревзойденными работами нашего московскаго орнитолога, профессора Мензбира, можетъ въ этомъ отношеніи считаться до нѣкоторой степени избалованнымъ и прихотливымъ. Подъ талантливымъ перомъ Мензбира перелетъ птицъ рисуется какъ очаровательная поэма изъ птичьяго царства, гдѣ трогательное переплетается съ трагическимъ и гдѣ все полно живой прелести. Но надо сказать правду: изъ этого невольнаго сравненія, которое само собой отлагается въ памяти читателя, — и г. Луканусъ выходитъ съ честью. Его очеркъ написанъ въ высшей степени интересно и, что особенно важно, онъ даетъ понятіе читателю о новѣйшихъ завоеваніяхъ и открытіяхъ орнитологіи, касающихся проблемы перелета.

Вообще, въ послѣдней книжкѣ «Сполоховъ» читатели найдутъ много интереснаго и разнообразнаго «чтенія», и это, при нынѣшней усталости отъ политики, — большой плюсъ. Во всякомъ случаѣ, мы еще разъ поздравляемъ журналъ съ управдненіемъ г-на Дроздова и съ переходомъ отъ «комитета взаимныхъ одолженій» къ настоящей редакторской работѣ.

Александръ Яблоновскій.

Новый журналъ.

«Міръ» — иллюстрированный художественно-литературный журналъ при участіи лучшихъ литературныхъ силъ, какъ мѣстныхъ такъ и заграничныхъ. Выходитъ изъ печати на этихъ днихъ художественная часть подъ руководствомъ Художника С. Цивинскаго. Журналъ будетъ выходить первоначально 3 раза въ мѣсяцъ а позднѣе еженедѣльно. Рукописи, фотографіи и письма направлять въ Ригу, [illegible] въ Ригу, издательство «Національ-Реклама» [illegible] 50 кв. 4. Тел. 21—75. Почт. ящикъ [illegible] для журнала «Міръ».

Новыя книги.

А. Амфитеатровъ. Восьмидесятники. Изд. «Грани». 326 стр.

Dr. Karl Fickler. Zwei Abhandlungen über [illegible] Recht. Vrl. Georg Neuner [illegible]

Dr. Karl Neuner. Das russische Reich eine Gründung der Franken. Vrl. Georg Neuner. 47 S.

С. Мельгуновъ. Дѣла и люди александровскаго времени. Изд. «Ватага». 343 стр.

Проф. М. Новиковъ. Проблемы жизни. Изд. «Возрожденіе». 120 стр.

Вл. Піотровскій. Святогоръ-Свѣтъ. Изд. «Манускриптъ». 40 стр.

Проф. Ф. Шнеерсонъ. Психологія интимной жизни ребенка. Изд. «Грани». 396 стр.

Е. Чарскій. Петрарка. Изд. «Грани». 80 стр.

Г. Уэльсъ. Тайники души. Изд. «Возрожденіе». 302 стр.

Химическая промышленность и торговля. № 1. Vrl. von M. Krayn. 32 стр.

Проф. Г. В. Ключанскій. Горная выработка. Vrl. von M. Krayn. 96 стр.

П. Ф. Врангель. Начертаніе звѣря. Изд. Сіяльскаго и А. Крейшманъ. 32 стр.

Вѣстникъ самообразованія. № 7. 32 стр.

«Жаръ Птица» № 10. Издательство «Русское Искусство — Берлинъ». 36 стр.

Н. Бердяевъ. Міросозерцаніе Достоевскаго. Изд. YMCA. 240 стр.

Д-ръ М. Дж. Экснеръ. Разумная половая жизнь мужчины. Изд. YMCA. 88 стр.

Д-ръ Р. А. Лютиковъ. Дизентерія. 14 стр.
— [illegible] или малярія. 16 стр.
— Возвратный тифъ. 12 стр.
— Pasp[illegible]. 16 стр.
— Сыпной тифъ. 15 стр.
— Оспа. 15 стр. Изд. YMCA.

Наука и жизнь. №№ 1, 2 и 3. Изд. русск. [illegible] «Наука». 16, 24 и 21 стр.

Глѣбъ Соколовичъ. Терновый вѣнецъ. Изд. [illegible] 78 стр.

В. Н. Всеволодскій-Гернгроссъ. И. А. Дмитревскій. Изд. «Петрополисъ». 302 стр.

Центральный книжный складъ
„ОБРАЗОВАНІЕ"
Berlin N. 50, Nürnberger Str. 55. Tel. Steinpl. 91-43
Оптовый складъ и розничный магазинъ русскихъ книгъ и нотъ

Лѣсковъ. Полное собр. соч. въ 12 томахъ, въ пер. . . . 150.—
Мельгуновъ. Дѣла и дни Александровскаго времени . . . 7.—
Музыка — журн. № 1 . . . 2.—
Окно, № 2 . . . 9.—
Голосъ минувшаго за 1923 г. . . . 10.—

Новая художественная серія открытокъ съ [illegible] 1922 г. [illegible]

Вышелъ [illegible] и разсылается безплатно новый нотный каталогъ № 2.

Множитель 9000.

Требуйте безплатные бюллетени
При магазинѣ библіотека для чтенія

Прибыли собственноручныя расписки по денежнымъ переводамъ по ордерамъ за №№ 6335, 6335, 6335, 6334, 6336, 6349, 6347, 6343, 6345, 6344, 119, 6342, 6331, 190, 191, 192, 197, 188, 198, 194, 110, 1037, 1019, 1146, 1145, 1144, 1143, 1135, 1137, 1136, 1134, 1138, 1132, 1131, 1130, [illegible], 1126, 1128, 1127, 1125, 1625, 1626, 1627, [illegible], 4542, 210, 3104, [illegible], 1557, 1558, [illegible], 1565, 1560, [illegible], 7007, 7018, 7011, 7086, 354, 1545, 4551, 4558, [illegible], 2907, 3028, 65, 64, 62, 211.

Отправителей просятъ пожаловать за полученіемъ означенныхъ расписокъ

РУССКО-БАЛТІЙСКІЙ ЛЛОЙДЪ.
Berlin W 15. Tauenzienstr. 12a.

...грядущимъ поколѣніямъ разскажутъ ...твореніи ада на русской землѣ, Апо...липсисъ русской исторіи.

...ъ сущности на ту же тему, но совсѣмъ ...другихъ интонаціяхъ, — въ стилѣ на...ой сказки выдержанныя нѣсколько ...чательныхъ страницъ Ив. Бунина: ...уракѣ Емелѣ, какой вышелъ всѣхъ ...ѣе». Съ обычнымъ мастерствомъ сло... т. е. словами, подобранными художе...нно и тщательно, къ бусинкѣ, ...азываетъ авторъ, какъ его герою, ду... и бездѣльнику Емелѣ, по щучьему ...нію, по благосклонной прихоти не...го случая, удалось, несмотря на то, ...онъ не сѣялъ, не пахалъ и никакой ...ты не зналъ, возлечь на бархатныя ...ели, душу сладкими закусками убла...ь, зажить вообще въ свое полное удо...ствіе, велѣть всѣмъ жаровыя рубахи, ...ые сарафаны надѣть («дурачки-то ...тъ красненькое да ясненькое»), на ...нѣ жениться и дѣла не дѣлать: ...ъ, и безъ меня управляется — съ го...рствомъ-то!»... А про свадебный ...твенный пиръ Емели говоритъ писа...: «я на томъ пиру, какъ говорится, ...ъ, да, признаться, все это дѣло за...ъ, — дюже пристально угощали: и те... глазъ отъ сниковъ не продеру!»... ...чна веселая сказка, разсказанная ...нымъ и жизнью...

...ъ изящной, благороднымъ стилемъ на...нной новеллѣ П. Муратова «Проспе...», заглядывающей въ дальнѣйшую ...бу героевъ шекспировской «Бури», ...е показано господство и торжество Ка...на (того самаго, которому недавно мы ...тили въ «Рулѣ» свой набросокъ: «Ка...ъ и каннибалъ»); но отъ него, вождя ...н, чернь все-таки отвернулась, онъ по..., свои права вернула себѣ свѣтлая ...анда, и Неаполь, которымъ завладѣлъ ... чудовищный Калибанъ, былъ осво...енъ, и изъ «освобожденнаго города ...ся звонъ колоколовъ, призывавшихъ къ молитвѣ у неоскверненныхъ болѣе алтарей».

Какъ всегда, съ красивой затѣйливостью, словомъ узорнымъ и причудливымъ, слогомъ каллиграфическимъ пишетъ Ремизовъ. «Розанова письма» называется его вкладъ въ «Окно». Хочется сказать о нихъ, что самыя письма неинтересны, а интересны иногда и для иныхъ только тѣ словесныя обрамленія, въ какія вставляетъ ихъ нашъ авторъ. То, что, онъ повѣствуетъ о себѣ, о другихъ писателяхъ, о своихъ встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ, занимательно — спору нѣтъ. Но возникаетъ все же сомнѣніе, надо ли всю эту интимность выставлять на всеобщее зрѣлище, или, по старинному, — позорище? Все болѣе и болѣе укореняется въ наши дни это непріятное нововведеніе — литератору разсказывать о своихъ личныхъ знакомыхъ, подчасъ къ литературѣ никакого отношенія не имѣющихъ. Можетъ быть, парадоксально прозвучитъ мое мнѣніе: писать надо для тѣхъ, кто не читаетъ. Это значитъ, другими словами: нужно имѣть въ виду такого читателя, теоретическаго и далеко, который отъ литературы хочетъ больше, чѣмъ литература, который хочетъ отъ нея жизни, для котораго книга не имѣетъ самодовлѣющаго значенія, а только представляетъ собою къ этой жизни временный мостъ. Такому читателю не интересны литературные кружки и специфическая накипь литературскаго ремесла; такому читателю лишь одиное — на потребу: nur ewige und ernste Dinge. Между тѣмъ, не вѣчнымъ и не серьезнымъ занимается въ данномъ случаѣ Ремизовъ. Если бы на проникшіе въ его повѣствованіе отдѣльные отзвуки той трагической серьезности, какого отличается наша година, то, на фонѣ послѣдней, даже кощунственное впечатлѣніе производили бы тѣ пустяки и вздоръ, которыми тѣшитъ себя и кое-кого другого нашъ талантливый стилистъ, тѣ игрушки и словесные балясы, которые онъ точитъ съ такимъ ненужнымъ искусствомъ. Онъ пишетъ для писателей, — а ужъ навѣрное писать надо для читателей. Знакомымъ съ его знакомыми будетъ любопытно прочесть его воспоминанія, — а остальнымъ? Наконецъ, то, что онъ сообщаетъ о Розановѣ, объ его эротикѣ и даже объ его физіологіи, выходитъ за предѣлы всякаго приличія и пристойности. Онъ, напримѣръ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова разсказываетъ о грязномъ бѣльѣ Розанова... Можно по всякому относиться къ послѣднему, какъ къ писателю: но несомнѣнно то, что онъ оставилъ по себѣ репутацію исключительной моральной неопрятности. Теперь Ремизовъ своими сообщеніями, своими пошлостями, не только подтверждаетъ и усиливаетъ эту дурную славу, но и, кромѣ моральной неопрятности своего друга, рисуетъ еще и физическую, такъ что отвращеніе къ образу Розанова возникаетъ полное. Біографія имѣетъ свои права, но она не должна ими злоупотреблять. Иначе это очень вредитъ интересамъ какъ ея героя, такъ и самого біографа...

Въ извѣстной мѣрѣ то же слѣдуетъ сказать и объ очеркѣ З. Гиппіусъ «Одержимый». Въ немъ она характеризуетъ личность Валерія Брюсова и сознательно говоритъ о немъ такъ, какъ если бы его уже не было въ живыхъ. Мѣтко и зло перо г-жи Гиппіусъ, и кто знакомъ съ Брюсовымъ, тѣ, можетъ быть, подтвердятъ многія ея замѣчанія и согласятся съ ея мыслью, что онъ одержимъ честолюбіемъ. Но мнѣ, читателю, какое дѣло до частной жизни поэта и его человѣческихъ недостатковъ? И зачѣмъ мнѣ узнавать отъ г-жи Гиппіусъ, любитъ ли Брюсовъ свою жену или нѣтъ? Не допущена ли здѣсь большая безцеремонность, и почему пріобщили къ ней меня, читателя, и по какому праву ведутъ меня въ чужія опочивальни?...

Б. Каменецкій.